

Уильям Браудер: В России нет государства

[Маша Гессен](#) / 17:08 / 25.05.2011

Как все настоящие трагические герои, Уильям Браудер создал все предпосылки для собственного краха. Теперь он решил посвятить свою жизнь борьбе с врагами, которые некогда были его друзьями. Глава инвестиционного фонда Hermitage Capital, заработавший миллиарды на инвестициях в Россию, уже шесть лет как не имеет права въезда в страну. Имя юриста Hermitage Сергея Магнитского, погибшего в московской тюрьме, стараниями Браудера стало известно во всем мире. Европарламент проголосовал за введение санкций против всех, кто имел отношение к преследованию юриста, а швейцарские банки арестовали их счета. В ответ российская прокуратура объявила Браудера в розыск. Обе стороны, очевидно, намерены идти до конца

Фото: Nick Ballon

Давайте начнем с начала.

Я начну вообще издалека. Я американец, но у меня немного необычная судьба. Мой дед был профсоюзным активистом, которого в 1927 году пригласили в Россию. Он приехал в Москву, там познакомился с моей бабушкой. Мой отец родился в Москве.

И его называли Феликсом.

Да. Бабушка моя была русской интеллигенткой. Они уехали в Америку спустя пять лет, и в 1932 году дед стал генеральным секретарем Коммунистической партии США. И оставался им до 1945 года, когда его прогнали со скандалом, потому что он недостаточно поддерживал Сталина. Многих его соратников в Восточной Европе убили. А вскорости он попал в жернова «маккартизма» – он провел большую часть пятидесятих годов, давая показания в Конгрессе, в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Мой отец тогда как раз заканчивал аспирантуру в Принстоне, он математик, – и из-за своей фамилии не мог найти работу ни в одном американском университете. Его забрали в армию, но, когда там выяснили, что он сын коммуниста, поставили на неважную работу: он работал заправщиком на бензоколонке на военной базе в Северной Каролине. В конце концов все успокоилось, мою семью реабилитировали, мой отец стал крупным математиком. Я родился в 1964 году. В подростковом возрасте, как и положено потомку коммунистов, решил надеть деловой костюм и стать капиталистом. В 1989 году я закончил бизнес-школу. Это был год падения Берлинской стены. И я решил, что раз мой дед был коммунистом в Америке, то я стану капиталистом в Восточной Европе. В том же году я переехал в Лондон.

Почему в Лондон?

Потому что в деловом плане Лондон по отношению к Восточной Европе – как Гонконг к Китаю. Я стал заниматься бизнесом в Восточной Европе. Меня очень заинтересовала ваучерная приватизация в России, потому что для того, чтобы в ней участвовать, не надо было иметь никаких специальных связей. Покупаешь ваучеры, меняешь на акции, и эти акции стоят гораздо меньше, чем акции сравнимых компаний в любой другой стране. В конце концов я открыл собственный инвестиционный фонд, Hermitage Capital, и в 1996 году переехал в Москву. В России абсолютно все тогда было недооценено. Инвесторы очень боялись России, им не хватало информации. В результате все, что покупал фонд, стало очень быстро расти в цене.

Сколько вы купили?

Первоначальный размер фонда был двадцать пять миллионов долларов. И эти вложения выросли на сотни процентов. Когда у тебя происходит такой рост, твои инвесторы начинают рассказывать о тебе своим друзьям. Со временем мы стали третьим по величине инвестиционным фондом в России. На пике объем наших вложений был равен четырем с половиной миллиардам долларов.

Это когда?

В 2005-м. Проблема заключалась в том, что, хоть нам и принадлежали акции компаний, больше нам ничего не принадлежало. Я понял это не сразу, а году в 1998-м.

Что это значит?

Если вам принадлежит один процент какой-нибудь американской или французской компании, то вам положен один процент прибыли, вы являетесь владельцем одного процента активов – это и есть ваш экономический интерес в компании. Но в России один процент акций – это запись в реестре акционеров. А вся прибыль и активы, как правило, контролируются другими людьми при помощи той или иной коррупционной схемы.

Иными словами, акции имело смысл покупать, чтобы перепродать, а держать смысла не было. В каких компаниях это происходило – из тех, в которых вы купили акции?

В «Газпроме», например, в РАО ЕЭС, в нескольких нефтяных компаниях. Мы решили с этим бороться. Я практически не говорил по-русски, и политических связей у меня никаких не было. Ну то есть я был никто. Но у меня были умные русские сотрудники. И вот эти умные аналитики поставили перед собой задачу – понять, как организовано корпоративное воровство, то есть кто ворует деньги у акционеров и каким именно образом. Знаете, говорят, что Россия непрозрачная, и это правда. Но зато Россия в пять раз более бюрократизирована, чем любая европейская страна. Существуют бесчисленные формы отчетности, которые собирают различные министерства. Их просто нужно было научиться читать.

То есть если в вашем распоряжении достаточно юристов...

Необязательно даже юристов. Если у вас есть умные, настойчивые, умеющие логически мыслить аналитики, готовые копаться в бумагах в министерствах и в регистрационных палатах, можно много узнать. Мы начали заниматься так называемыми следственными аудитами. Точнее, мы называли это «аналитикой корпоративного мошенничества». Обнаружилось, что воровство сконцентрировано в руках небольшой группы людей. Говорят еще, что Россия – очень коррумпированная страна. Но все нити коррупции находятся в руках горстки людей. А большинству ничего не перепадает.

Так кто входит в эту небольшую группу?

В случае с «Газпромом» – девять топ-менеджеров компании.

Это какой год?

Анализ «Газпрома» мы проводили в 1999 году. Еще мы изучали Сбербанк, там новые акции были размещены по закрытой подписке по низкой цене, что было невыгодно ни для банка, ни для других акционеров. В «Сургутнефтегазе» существовали какие-то безумные схемы владения акциями, позволяющие руководству оставаться на местах бесконечно, не имея в собственности никаких ценных бумаг или почти не имея. Эту информацию мы отдавали журналистам. Нам повезло: в Москве тогда было огромное количество иностранных журналистов, очень заинтересованных в результатах нашего анализа; мы за них сделали львиную долю работы, и все это можно было перепроверить. Так нам удавалось влиять на компании. Информация, которую мы собрали по «Газпрому», попала в New York Times, Financial Times, Wall Street Journal, Businessweek. Когда это появлялось в международной прессе, российская пресса тоже начинала об этом писать. А у этого уже были последствия. И надо сказать, что мы по-настоящему разогнались как раз в то время, когда к власти пришел Путин. Но он стал президентом президентской администрации, а не президентом России.

В каком смысле?

У него были десятки тысяч сотрудников в подчинении. Но губернаторы управляли своими регионами, как независимыми государствами. Олигархи платили деньги министрам и депутатам и считали их своими подчиненными. Пресса существовала для влияния на бизнес и политику, а не для объективного освещения событий. В результате у Путина, а до него – у Ельцина не было власти, которая должна быть у главы суверенного

государства. Я никогда не встречался с Путиным, но считаю, что у нас были общие интересы: люди, которые воровали деньги у компаний, отбирали у него власть. И он очень положительно реагировал на наши попытки привлечь внимание к воровству.

В чем выражалась эта положительная реакция?

Например, нам позвонил Александр Волошин, который тогда был главой администрации президента, и пригласил сделать доклад о том, что мы раскопали о РАО ЕЭС, у которого в тот момент был план за бесценно распродать все активы. Мы все рассказали, и вскорости правительство согласилось вступить в переговоры о реструктуризации компании с миноритарными акционерами. Я считаю, что мы спасли компанию для всех ее акционеров, среди которых было и государство. Когда мы рассказали о том, что происходит в «Газпроме», сняли Рема Вяхирева, на котором лежала ответственность за исчезновение десяти процентов активов. Мне казалось, что Россия движется в верном направлении.

Но снятие Рема Вяхирева трудно назвать наказанием.

Конечно. Но нам-то было важно не посадить Вяхирева, а остановить коррупцию в «Газпроме».

И она остановилась?

В период с 1996 по 1999 год с баланса «Газпрома» исчезли активы, равные всем активам американской компании Exxon (Exxon Neftegaz Limited, дочернее предприятие крупнейшей в мире негосударственной нефтегазовой компании Exxon Mobile Corporation. – Прим. ред.). Они оказались под контролем девяти членов руководства компании. В 1999 году пришел Алексей Миллер, он пообещал, что активы перестанут покидать компанию.

То есть крали не прибыль, а именно собственность.

И это волновало нас больше всего. Потому что, если крадут прибыль, ее хотя бы в следующем году можно получить. А в «Газпроме» разворовывали собственно компанию. В результате недооцененность акций компании была равна 99,7 процента. После снятия Вяхирева цена акций выросла вдвое, затем – еще вдвое. В конечном счете – в сто раз. Это не значит, что воровство совсем прекратилось или что акции стоят столько, сколько должны. Скажем, недооцененность сократилась с девяноста девяти процентов до девяноста.

А теперь кто ворует?

Нынешнее руководство. Но уже не собственность, а только прибыль.

И это лучше.

И это лучше. Вместо того чтобы украсть месторождение, они, скажем, продают газ на Украину и забирают себе часть прибыли. Или строят трубопровод и тратят на него в три, или в пять, или в десять раз больше, чем он должен стоить, – это откаты. Так вот, мы эту же операцию по вскрытию механизмов хищений повторили с «Газпромом», со Сбербанком, с РАО ЕЭС и так далее. И, в общем, как только мы достигали какого-то успеха, цена акций вырастала. В период с 1999 по 2003 год у нас многое получалось, потому что наши интересы очевидно совпадали с интересами режима Путина. Так что у

меня тогда была лучшая в мире работа. Я очень много зарабатывал, и при этом я чувствовал, что делаю историю, меняя Россию к лучшему. И всякий раз, когда наша кампания против кого-нибудь из злодеев заканчивалась каким-нибудь даже небольшим успехом, мы все кричали «ура», и командный дух у нас в компании был таким, какого не бывает, ведь редко кому удается одновременно делать деньги и творить добро. К сожалению, этот золотой период моей карьеры закончился – а я не заметил, что он закончился, – в октябре 2003 года, когда арестовали Ходорковского. Он был одним из тех, с кем мы боролись, и мне тогда казалось, что это очередной шаг к решению проблемы коррупции.

Фото: Nick Ballon

Разве ЮКОС к тому времени не стал образцово-показательной компанией с точки зрения прозрачности, корпоративного управления?

Стал. Но в 1999 году, когда фонд был одним из крупных акционеров ЮКОСа, их акции были обвалены руководством ЮКОСа и подешевели на 99,5 процента, потому что они занимались тем же, что и все остальные.

А потом что случилось?

А потом они исправились, очистились, но мне казалось, что за всю ту боль, которую они нам причинили, за те два года, что мы с ними боролись, они еще должны поплатиться, – в

общем, я был все еще зол. Так что я радовался аресту Ходорковского, и я не понимал, что в этот момент Россия бесповоротно изменилась.

Каким образом?

Сразу после ареста Ходорковского мы все обсуждали, сколько он пробудет в тюрьме: неделю или две. Потому что все же знают, что в России за деньги можно купить все. Так что если самого богатого человека в России арестовали, то вопрос только в том, сколько ему придется заплатить за освобождение. Прошла неделя. Две недели. Мы думали, он не рассчитал сумму выкупа. Месяц, два месяца. И тогда богатые люди в России задумались о том, правда ли любую проблему можно решить за деньги. Окончательно все стало понятно летом 2004 года, когда начался суд над Ходорковским и в зал суда пустили телекамеры. А ведь в российском суде нет никакой презумпции невиновности – обвиняемого сажают в клетку, как зверя. И когда телекамеры снимают самого богатого человека в России в клетке, это являет собой послание всем остальным богачам: «Вы тоже можете оказаться в клетке». Думаю, многие олигархи сидели тем летом на своих яхтах, пришвартованных где-нибудь у Антиба, смотрели CNN и чувствовали, что мир рушится.

Но вы-то по-прежнему думали, что это хорошо?

Я был антиолигархом, и я ждал, кто станет следующим. Я думал, это настоящая справедливость. А на самом деле, я полагаю, все эти олигархи один за другим сходили к президенту и договорились о том, как им теперь себя вести, чтобы тоже не оказаться в клетке. Так из врагов Путина они превратились в его партнеров. А я продолжал жить в своем идеальном мире, думать, что Путин делает Россию лучше, делает из нее нормальную страну. А он просто подминал под себя олигархов, чтобы стать самым главным олигархом.

И когда вы это поняли?

Я был идеалистичен и наивен. Я продолжал со своими антикоррупционными кампаниями. В 2004 году мы опубликовали разоблачительные материалы о «Газпроме» – уже не об уводе активов, а о хищениях, связанных со строительством и с продажами. Мы подали в суд на «Сургутнефтегаз», чтобы сделать прозрачной их структуру владения акциями. «Транснефть» не платила дивиденды, и с ними мы тоже боролись. К этому моменту я уже жил в России почти десять лет, я создал крупнейшую инвестиционную компанию с иностранным капиталом. Я летел в Москву из Лондона 13 ноября 2005 года, в воскресенье вечером. Я прибыл в VIP-лаунж в аэропорту Шереметьево-2. Процесс, который в VIP-зоне должен был занять пять минут – штамп в паспорте, ты выходишь, – тянулся необычайно долго. Прошел час, паспорт еще не отдали. Я попросил своего водителя подойти к паспортному контролю. Там начались какие-то крики, и тут вдруг несколько людей в форме зашли в VIP-лаунж, сказали, что в страну меня не пустят, и отвели меня в накопитель, где я провел следующие пятнадцать часов.

Какие там были условия?

Ничего особенного. Неудобные пластмассовые кресла. Основная разница в том, что в VIP-зоне дают чай и обращаются с тобой хорошо, а в этом отстойнике с тобой обращаются как с преступником. Что со мной дальше будет, мне никто не сказал. Просто за десять минут до вылета рейса «Аэрофлота» в Лондон в одиннадцать утра за мной пришли, отвели и посадили в самолет. Я был уверен, что это ошибка. Я же так старался для России. Я был

уверен, что моя работа против коррупции ценится властью. Мне постоянно звонили от министров и просили дать им копию моих презентаций в формате PowerPoint.

Ну, вы позвонили министрам?

Я прилетел в Лондон и позвонил всем, кого я знаю. Грефу, Кудрину, Шувалову, Вьюгину (Герман Греф – на тот момент министр экономического развития и торговли РФ, в настоящее время председатель правления Сбербанка, Алексей Кудрин – министр финансов, Игорь Шувалов – первый заместитель председателя правительства РФ, Олег Вьюгин – до 2007 года руководитель Федеральной службы по финансовым рынкам, сейчас председатель совета директоров МДМ-банка. – Прим. ред.). Они все сказали, что ничего не знают.

Вы им верите?

Думаю, они действительно не знали. Думаю, решение принималось кем-то очень высоко, и причем в ФСБ.

Кем?

Непосредственным исполнителем решения был человек по имени Виктор Воронин (генерал-майор Виктор Воронин, заместитель главы департамента ФСБ по борьбе с экономическими преступлениями. – Прим. ред.). Я британский гражданин. Посол Великобритании отправил письмо министру иностранных дел России с вопросом, почему меня не пускают. Пришел ответ, что мне отказано во въезде на основании статьи 27 федерального закона о въезде и выезде. Эта статья позволяет отказать во въезде из соображений национальной безопасности.

А почему, кстати, вы британский гражданин?

Я приехал сюда в 1989 году, женился, обустроился. Здесь мой дом уже двадцать два года. Вот я и получил гражданство.

Но от американского не отказались?

Отказался, надо было выбрать. В общем, Джек Стру, тогдашний министр иностранных дел, стал регулярно упоминать о моем деле в разговорах с Сергеем Лавровым. Лавров всякий раз делал вид, что он не знает, в чем дело.

Фото: Nick Ballon

Вы ему не верите?

Нет, конечно.

Почему?

Думаю, после первого упоминания он навел бы справки. Министр иностранных дел Великобритании три раза спрашивает его, почему человеку отказано в визе, а он всякий раз отвечает, что не знает, – значит, он врет. А я не хотел разделить судьбу Ходорковского – ни деловую, ни личную. Так что я сделал две вещи: обезопасил людей и капиталы. Во-первых, я попросил всех своих сотрудников переехать в Великобританию.

Это сколько человек?

Около двадцати человек сотрудников с семьями.

Такая была маленькая компания?

Маленькая, да. Во-вторых, фонд продал акции в российских компаниях или перевел их в другие финансовые инструменты. Это было сделано тихо, без привлечения к себе внимания.

Как можно продать такое количество акций, не привлекая к себе внимания?

Продажа акций – это не продажа компании. Если фонду принадлежал один процент компании, а акции высоколиквидны, вы можете продать их в разные дни, через разных брокеров. Таким образом мы ликвидировали вложений на четыре с половиной миллиарда долларов за лето 2006 года, и никто этого не заметил.

И что вы сказали своим инвесторам?

Фонд вернул им деньги. Когда меня выгнали из России, многие из них потеряли желание туда вкладывать. Так что мы основали новый бизнес, стали вкладывать в другие страны, и я думал, что эта глава моей жизни, связанная с Россией, интересная и страшная, закончилась. Если бы так оно и было, это бы так и осталось интересной историей.

Слегка душераздирающей.

Душераздирающей, да, но всего лишь историей. А вот то, что произошло потом, будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь. 27 января 2007 года я был на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Там был так называемый русский ужин, организованный не Россией, а Всемирным экономическим форумом, поэтому я и был приглашен. Присутствовал Дмитрий Медведев, тогда он был первым вице-премьером, но уже метил в преемники. Он сказал какую-то пустую речь, все перешли к десерту, а он сидел один, тоже ел десерт. И я подумал: а подойду-ка я к нему и попрошу восстановить мою визу. Я подошел, и как раз в тот момент, когда я начинал говорить, все присутствующие вдруг спохватились, что есть возможность поговорить с будущим президентом России. И многие повставали со своих мест и окружили нас. Включая нескольких журналистов. Как раз когда они все подтянулись, я дошел до сути своего обращения, то есть до просьбы восстановить визу. Не знаю, что он думал в этот момент, но он принял, как мне кажется, очень политически верное решение, а именно, будучи окруженным западными журналистами и имея перед собой вызывающего симпатию

западного человека, который просит вернуть ему визу, правильно сказать: «Я сделаю, что смогу». Так он и сказал. Он попросил меня дать ему копию моего заявления на визу и пообещал подать его с собственной положительной рекомендацией.

Он знал, кто вы?

Он прекрасно знал, кто я, потому что он был членом совета директоров «Газпрома», когда мы занимались «Газпромом», и в 2005 году мы с ним встречались лично. Так вот, в ответ на заявление я получил не визу, а телефонный звонок от подполковника Артема Кузнецова из московской налоговой полиции. Он позвонил моему заместителю и сказал: мол, я понимаю, господин Браудер хотел бы получить визу, мне предстоит написать докладную по этому поводу, и я предлагаю встретиться в неформальной обстановке, чтобы обсудить, что я напишу. С 1996 по 2005 год в России мы успешно избегали такого рода просьб: мы просто никогда не встречались ни в какой неформальной обстановке ни с какими полицейскими, избегали любых двусмысленных ситуаций. Я могу честно сказать, что ни разу не давал взятку. Даже в машине, даже когда меня останавливали.

Фото: Nick Ballon

Как вам это удавалось?

Нас мало замечали, потому что мы существовали в эфире, на финансовых рынках, где мы почти не сталкивались с властями. А водителем у меня работал бывший милиционер, так что, когда нас останавливали, он показывал свои документы и ему отдавали честь. Так что я ни рубля никогда взяток не давал. И это отличная политика: если ты не даешь взяток, их от тебя и не ждут. А в таких ситуациях надо просто отказываться от встречи. Мы ответили, что готовы отвечать на официальные запросы. В девяносто девяти случаях из ста такая реакция срабатывает, и история на этом заканчивается. Но это был тот случай, когда история не закончилась. 4 июня 2007 года все тот же Артем Кузнецов и еще двадцать пять налоговых полицейских провели обыск в нашем московском офисе. А потом такой же обыск в офисе наших юристов, Firestone Duncan.

Почему у вас оставался офис в Москве, если вы вывезли всех сотрудников?

Офис был оплачен на пару лет вперед, а у меня оставалась слабая надежда на возвращение.

Там никого не было?

Там был секретарь и один человек, приехавший из Лондона. Но там ничего не было, только старые бумаги. А вот в офисе наших юристов они нашли то, что их интересовало: документы, свидетельствующие о том, что у нас было три компании, которые являлись держателями акций, то есть через которые мы инвестировали крупные суммы денег. Активов у этих компаний уже не оставалось, но сами компании ликвидированы не были: дело в том, что в России, чтобы закрыть компанию, которая прекратила свою деятельность, не разоряясь на проведение аудитов, проще подождать и в течение трех лет сдавать отчетность, показывая, что никакой деятельности предприятие не осуществляет. Поэтому документы на эти компании и хранились у наших юристов. Полиция искала печати, лицензии, уставные документы этих компаний. Один из молодых юристов в Firestone Duncan посмотрел ордер и сказал: «У вас ордер не на эти компании, вы не имеете права изымать все это». Его отвели в переговорную и жестоко избили.

Как его зовут?

(Называет юриста. – М.Г.) Пожалуйста, не упоминайте его имя в статье: он по-прежнему в Москве. И он очень напуган. В общем, они забрали все эти документы, а мы перепугались, потому что не понимали, что все это значит. Следующее событие произошло спустя четыре месяца: в наш московский офис позвонили из Санкт-Петербургского арбитражного суда сообщить, что против наших компаний вынесено судебных решений на несколько сот миллионов долларов. Как это? Нас же даже не вызывали в суд. Мы позвонили лучшему, по нашему мнению, юристу в Москве, человеку по имени Сергей Магнитский, и попросили его выяснить, что происходит. Мы позвонили и другим юристам – всего семь человек из четырех разных юридических компаний стали исследовать это дело. Вскорости вышел на связь Сергей и сказал, что произошло что-то невероятное. Согласно документам, которые он обнаружил в регистрационной палате, наши компании нам больше не принадлежат. Как это? Он сказал, что они теперь переведены на баланс некой компании под названием «Плутон», зарегистрированной в Татарстане. Какой такой «Плутон»? А он говорит: «Плутон» принадлежит человеку по имени Виктор Маркелов. Кто такой Виктор Маркелов? Он говорит: я тоже задался этим вопросом и выяснил, что Виктор Маркелов был осужден за убийство и вышел на свободу спустя полтора года. А как он стал владельцем наших компаний? Сергей объяснил: для этого нужны печати и уставные документы. То есть то, что изъяли из офиса наших юристов. Сергей говорит: дальше – хуже. Документы использовались еще и для того,

чтобы фальсифицировать ряд договоров, по которым выходит, что ваши компании задолжали миллиард долларов каким-то другим трем компаниям-пустышкам. К этим фальшивкам прилагались разные документы, изъятые из нашего офиса, – это легко было проследить, потому что повторялись даже опечатки, которые были в наших документах. И дальше что? Сергей говорит: на основании этих договоров от имени компаний-пустышек в суд были поданы к нашим компаниям исковые заявления. Но самое интересное, что в суд от имени наших украденных компаний пришли три незнакомых нам юриста, защищаться не стали, а сразу признали долги на миллиард долларов по фальшивым контрактам.

Почему это происходило в суде Санкт-Петербурга, а не Москвы?

Суды были и в Петербурге, и в Москве, и в Казани. Это суды, где у них были связи. А формально они обращались в суды по месту регистрации компаний, которые подавали иски в суд. Если бы дело было в нормальном суде в нормальной судебной системе, судья попробовал бы разобраться: если юристы сразу признают долги, то зачем они вообще пришли в суд? То есть очевидно, что судьи, которые приняли к рассмотрению эти дела и приняли по ним решения за пять минут, были изначально задействованы во всей схеме. В то же время Кузнецов отправился в банки, где у нас были счета, в поисках денег.

Откуда вам это известно?

Нам стали звонить из банков: «У нас тут Кузнецов, у него официальный запрос на руках». Слава богу, мы все ликвидировали – иначе они бы просто украли у нас миллиард долларов. Так что мы были спокойны. То есть история ужасная, цинизм неслыханный, все довольно страшно, но денег им не досталось. Но Сергей – я просто должен вам сказать, что Сергей правда был умнее всех в Москве. Его мозг работал в десять раз быстрее. Сергей сказал: «Я не знаю, что именно происходит, но я точно могу вам сказать, что это не конец». Он продолжил расследование. То есть он рассылал запросы во все официальные ведомства, в которых эти компании могли так или иначе отметиться. В большинстве случаев запрос оставался без ответа или мы получали бессмысленный ответ. Но это был сговор таких масштабов, что злодеи просто не могли поговорить с каждым человеком, который был так или иначе задействован, и каждого заткнуть. Так что в один прекрасный день Сергей получил ответ от налогового ведомства в Химках – там просто кого-то не предупредили, что нам нельзя отвечать. В ответе была информация о том, что украденные у нас компании открыли почему-то новые счета в двух банках: Универсальный сберегательный банк и «Интеркоммерц». Мы никогда не слышали о таких банках. Почему? Да потому что это были одни из самых маленьких банков в России. Общая капитализация Универсального была равна миллиону долларов. На все банки есть полная информация в базе данных Центробанка, и эта информация общедоступна. С сайта Центробанка Сергей получил следующую информацию: как только эти счета открылись в Универсальном банке, сумма его активов подскочила с миллиона долларов до двухсот миллионов – за сутки. Точная цифра что-то Сергею напонила – это была сумма налогов, заплаченных тремя украденными компаниями: двести тридцать миллионов долларов. Тут только мы поняли, что смысл всей схемы заключался в том, чтобы украсть уплаченные нами налоги. Тогда мы уже стали пересчитывать суммы, на которые были поданы иски в Москве, Петербурге и Казани: общая сумма была в точности равна совокупной прибыли трех компаний в предыдущем году. Попросту говоря, в 2006 году наши компании заработали миллиард долларов и заплатили двести тридцать миллионов налогов. А преступники обратились в налоговую, сообщили им, что предыдущие владельцы допустили ошибку – на самом деле компании ничего не заработали. Так что налоги следует вернуть. Они подали заявление на возврат налогов 23 декабря 2007 года. Это был

самый крупный возврат налогов в российской истории – и деньги вернули на следующий день! При том что за месяц до этого мы уже успели написать жалобы во все инстанции и о том, что эти компании у нас украдены, и о том, что кто-то сфабриковал судебные решения о взыскании с них миллиарда долларов, которые были использованы для обоснования возврата налогов.

На жалобы были какие-нибудь ответы?

Мы написали шесть жалоб. На пять не последовало никакой реакции, фактически они были отправлены на рассмотрение самим Кузнецову с Карповым, которые не нашли здесь состава преступления. А по одной жалобе все-таки через два месяца после ее подачи и через месяц после того, как были украдены деньги, было возбуждено уголовное дело, но его расследование было спущено на самый низкий местный уровень Следственного комитета. Пару человек вызвали на беседы, на этом дело кончилось. А налоговое преступление мы обнаружили в июле 2008 года. Это было что-то невероятное. И обнаружилось это, конечно, исключительно благодаря гению Магнитского. И Сергей сказал: «Это никак не могло быть одобрено на высшем уровне. Когда вас, иностранцев, отсюда погнали, вот это могло быть одобрено Путиным и коллегами, это вообще обычная вещь. Но кража четверти миллиарда из казны – это совсем другое дело, это какая-то самодеятельность». Надо привлечь к этому внимание. Мы разослали пятнадцать разных жалоб. Мы думали, их всех арестуют, представляли себе рейд с использованием вертолетов.

Почему? Вы к тому времени уже три года напрямую сталкивались с постоянным враньем со стороны российских официальных лиц.

Ну как может президент страны позволить, чтобы украли двести тридцать миллионов из казны? Это же не наши деньги, это их деньги. Это настолько невероятная история, что по ней даже кино нельзя снимать – никто не поверит.

Так. И вместо рейда с вертолетами что было дальше?

Дальше они стали преследовать наших юристов. Открыли уголовные дела против всех семерых.

Среди них были и русские, и американцы, да?

Один американец, Джеймисон Файерстоун, остальные – российские граждане. Поймите, я по образованию финансовый аналитик. Я на войну не нанимался, мне никогда в голову не приходило, что люди моей профессии будут рисковать жизнью. Я принес всем нашим юристам извинения за то, что произошло, и предложил им покинуть Россию за мой счет и поселиться в Лондоне за мой счет. Это были очень тяжелые разговоры. Им всем было чуть за сорок, все на вершине карьеры, некоторые не говорили по-английски – и я предлагал им бросить все – профессию, друзей, свою жизнь – и немедленно бежать. Шестеро из семерых согласились.

И все приехали сюда?

Все теперь здесь живут. Отказался один Сергей Магнитский. Ему тогда было тридцать шесть лет, то есть он представитель другого поколения. Он сказал: «Сейчас не тридцать седьмой год. Я ничего дурного не сделал, я знаю закон, никаких оснований для моего ареста не существует». И еще он сказал потрясающую вещь: «Эта история уже не про

Hermitage, это история о России. Эти люди ограбили мою страну, и я с этим мириться не могу». Мы несколько раз пытались его уговорить уехать. В октябре 2008 года Сергей дал показания, связанные с деятельностью Кузнецова. 24 ноября трое прямых подчиненных Кузнецова пришли к нему домой в восемь утра и на глазах у его жены и двоих маленьких детей перевернули квартиру вверх дном, а Сергея увели на Петровку, 38, где его заключили под стражу. Затем на него начали давить, чтобы он отказался от своих показаний и подписал признание в том, что сам похитил двести тридцать миллионов.

Откуда вам это известно? Вы были на связи?

Связи никакой не было, но нам известно то, что произошло с Сергеем, в мельчайших подробностях, потому что все время, пока он находился в заключении, Сергей писал жалобы – в связи с каждым нарушением закона. За 358 дней он написал 450 жалоб. У нас они все есть. Это современный «Архипелаг ГУЛАГ». Мы знаем, что что делал каждый день. Как его поместили в камеру с восемью заключенными и четырьмя кроватями. Как его поместили в камеру без отопления и без оконного стекла, в Москве, в декабре. Как его поместили в камеру без унитаза, а просто с «очком» в полу, из которого отходы выходили наверх и заливали пол. Как ему отказали в чистой питьевой воде. Как ему сутками не давали пищи. Как он похудел на двадцать килограммов, у него появились сильные боли в животе и ему поставили диагноз «панкреатит и камни в желчном пузыре». Как ему пообещали операцию в Матросской Тишине, а за неделю до операции опять предложили подписать ложное признание. Он отказался, и его перевезли в Бутырку. Как в Бутырке он сделал двадцать обращений за медицинской помощью и не получил ее. 16 ноября он был уже в критическом состоянии, и его наконец перевезли обратно в Матросскую Тишину, в больницу, но там вместо лечения на него надели смирительную рубашку, приковали к койке, поместили в одиночную камеру и оставили там на один час тринадцать минут, пока он не умер в возрасте тридцати семи лет.

Откуда вы знаете про смирительную рубашку?

Московская общественная наблюдательная комиссия, от которой никто никогда ничего не ждал, провела расследование обстоятельств его смерти и опубликовала потрясающий отчет. При том что все, с кем они разговаривали, путались в показаниях, они сумели составить очень подробную хронологию и нарисовать совершенно душераздирающую картину. Так вот. О смерти Сергея Магнитского я узнал утром 17 ноября. Одно дело – потерять человека, другое дело – потерять молодого человека, это гораздо тяжелее. Но потерять молодого человека, которого пытали год только ради того, чтобы прикрыть чужие преступления, – я не могу передать, каково это. И я могу сказать за себя и за всех тех, кто знал Сергея и пытался ему помочь, спасти его: его убийцы нажили себе врагов навеки. Никто из нас не оставит это дело, пока убийцы Сергея не наказаны, пока мы не добьемся справедливости.

Как вы планируете ее добиться?

Смерть Сергея – это очень важный сигнал для всех. Он не был правозащитником, он не занимался политикой, он не имел никакого отношения к Чечне. Он был налоговым юристом, который просто работал не на того клиента и просто повел себя как ответственный гражданин, когда обнаружил чудовищное преступление, совершенное против его страны. И в результате этот в меру обеспеченный человек оказывается в жутком подполье, где его пытаются до смерти. И это может случиться с каждым, это понятно самому толстокожему, самому циничному наблюдателю. И перед президентом России встал важный вопрос: он теперь кто – «смотрящий» за «беспределом» или гарант

порядка, который все-таки попытается что-то сделать и рискнет преследовать тех, кто стоит во главе преступной пирамиды в стране?

А они кто такие?

Те, кто похитил двести тридцать миллионов долларов и еще много чего.

Но кто они?

Министры в правительстве.

Вы знаете их поименно?

Да. Но называть их публично я пока не готов, мы все еще собираем доказательства. Так вот, Медведев объявил о расследовании. Согласно исследованию Центра Левады, двадцать девять процентов россиян слышали о деле Магнитского. Это теперь большое имя и знаковое дело. И через неделю после того, как президент объявляет о начале расследования, Министерство внутренних дел организует пресс-конференцию – большая редкость – и заявляет, что им очень жаль, что такое случилось, человек умер в заключении, но они не знали, что он болен. И это при наличии двадцати официальных просьб о медицинской помощи. На некоторые из них были получены официальные же отказы. Далее они объявили его виновным, хотя никакого суда не было. Типа: жаль, что этот преступник умер, но бывает. Да, надо еще сказать, что семья Магнитского просила о независимой патологоанатомической экспертизе, прокуратура отказала, заявив, что в морге сломались холодильники и тело пришлось срочно захоронить. Но спустя примерно два месяца после его смерти стали известны первые подробности заключения патологоанатома, в котором говорилось, что Сергей умер от «остановки сердца». А это полностью противоречит тому, что сказал врач спустя три часа после смерти: он сказал, что Сергей умер от перитонита. Тогда мы поняли, что все идет к тому, что в результате расследования скажут, что, увы, молодой человек умер от остановки сердца – очень грустно, но такое бывает. Стало ясно, что справедливости надо добиваться за пределами России. Я стал ездить по разным странам, встречаться с политиками и официальными лицами. В частности, мне удалось привлечь внимание американского сенатора от штата Мэриленд Бенджамин Кардена – ему я рассказывал о Сергее еще до его смерти. А после его смерти мы с сенатором сели и придумали план действий, чтобы добиться справедливости. Что мы знаем о виновных – что они похитили деньги. А деньги никто не любит хранить в России, даже преступники. Поэтому наша первая идея: запретить им получать визу в Америку. Мы предоставили документы на разных чиновников: на человека, который отказывал Сергею в медицинской помощи, на судей, которые за пять минут вынесли решения по подложным документам, на Кузнецова с его ордерами. Список состоял из шестидесяти человек, но мы к нему постоянно добавляем новых людей по мере получения доказательств. Мы отдали список госсекретарю, но ответа не последовало. Потом я давал показания в Конгрессе, в подкомитете по правам человека. И тогда председатель этого комитета, Джим Макговерн из Массачусетса, сказал: не будем ждать госдепартамент, а предложим законопроект. Так и называется: «Справедливость для Сергея Магнитского», и в нем прописан не только запрет на визы, но и арест любых счетов этих людей в американских банках. Потом европейцы присоединились, Европейский парламент принял резолюцию, призывающую страны-члены Евросоюза ввести такие же санкции. И российский парламент, который никогда не беспокоило хищение двухсот тридцати миллионов долларов, никогда не беспокоила смерть Сергея Магнитского в результате пыток, забеспокоился, когда запахло визовым запретом и арестом счетов чиновников. Созвали экстренную сессию и решили наложить санкции на

европейских парламентариев, которые проголосовали за визовый запрет. И решили отправить делегацию в Страсбург, чтобы попытаться остановить законопроект. Из этого ничего не вышло. Европейцы проголосовали «за», и я думаю, что в этом году США, Канада и европейские страны окончательно запретят въезд убийцам Магнитского и арестуют их счета.

Насколько высоко заходит ваш список?

До заместителя генерального прокурора, заместителя министра внутренних дел и Виктора Воронина.

Это достаточно высоко?

Наша кампания успешна именно потому, что мы предоставляем конкретные доказательства на конкретных людей. Я не уверен, что мы добьемся справедливости по отношению ко всем виновным, но я уверен, что мы добьемся справедливости по отношению ко всем, против кого у нас есть доказательства.

Какая общая картина у вас теперь сложилась, как вы вообще все произошедшее себе объясняете?

Я понял вот что. В России нет государства. Это территория, оккупированная горсткой преступников. В России живет 141 миллион нормальных, работающих, щедрых, умных, порядочных людей. И миллион преступников, которые все разрушают. А государства никакого нет.

Вряд ли такая ситуация отвечает интересам Путина или Медведева.

Тут возможны только два ответа: либо они в доле, либо они не могут ничего сделать.

А вы как думаете?

Я не знаю. В обоих случаях Россия проклята.

Сколько времени вы сейчас тратите на политическую по сути деятельность? Вы же еще и бизнесом управляете.

Я хороший бизнесмен, я умею совмещать. Иногда вся неделя на это уходит, иногда целая неделя проходит без этого. Но добиться справедливости – это самая главная цель, которую я себе в жизни ставил.

Когда вы удовлетворитесь?

Когда те, кто убил Сергея Магнитского, будут сидеть в тюрьме. До тех пор мы не остановимся.

Есть надежда, что вы этого дождетесь?

Смотрите, Россию никто не контролирует. Ни плохие, ни хорошие. Так что и плохим там очень страшно. Все может случиться.

Вы делаете серию роликов под названием «Каста неприкасаемых», в которых рассказываете о том, как живут те, кого вы считаете причастными к смерти Магнитского. Как вы собираете информацию?

Первым вышел фильм про Артема Кузнецова. Этот фильм мы разместили на сайте russian-untouchables.com. Там же была создана своего рода библиотека документов для тех, кто интересуется нашей историей. В ней есть такие разделы: «Стань гражданским следователем» и «Поделись информацией об этих людях». И люди стали не только присылать информацию, но и звонить нам – причем в среднем по одному-два человека в неделю говорят: «Я знаю этого человека» или «У меня есть информация об этом банке». Так мы постепенно получаем огромный массив информации.

Как вы ее проверяете?

Многое, что нам присылают, не соответствует действительности, что-то преувеличено или вовсе не имеет отношения к делу. Но, когда есть что проверить, работа становится в сто раз проще.

Сколько человек у вас тут этим занимаются?

Если сложить все вместе, то в кампании задействованы человек сто: юристы, лоббисты, ответственные за связи с общественностью. Люди работают бесплатно.

Как вы теперь относитесь к тому, что столько лет поддерживали Путина?

Меня тошнит от этого. Очевидно, я был абсолютно неправ. Я слишком много значения придавал тем его действиям, которые шли нам на пользу, смотрел на них сквозь призму собственного интереса. Теперь я побывал по другую сторону баррикад, и я сожалею о том, что сказал хоть одно слово поддержки.

Вы предпринимаете что-нибудь, чтобы убедить людей не инвестировать теперь в Россию?

Конечно. В Давосе выступал Шувалов, рассказывал про инновации и модернизацию и про прекрасный стабильный инвестиционный климат, ему задавали подобострастные вопросы разные главы западных компаний, а в конце встал я и перед телекамерами и аудиторией из ста пятидесяти человек рассказал историю Сергея Магнитского. После выступления многие подошли ко мне и сказали: «Господи, нельзя инвестировать в такую страну».

Как вы думаете, в России все еще можно заработать?

Можно, если ты готов рисковать потерей не только денег, но и жизни. Для большинства бизнесменов это неприемлемые риски.

Но если самому при этом оставаться за пределами страны...

Ну, смотрите, я объявлен в розыск. Хорошо, что я британский гражданин и живу за пределами России уже пять лет. Но убийцы Магнитского обвиняют меня в том же преступлении, по обвинению в котором пытали его. С теми, кто связывается с Россией, может произойти что угодно, где бы они ни были.

То, что вы объявлены в розыск, вас беспокоит?

Нет, ни один суд в мире не примет решение о выдаче меня России в таких обстоятельствах. Но мы-то собрали огромное количество доказательств. А какова судьба людей, которые по той или иной причине не могут этого сделать? Их-то тоже можно объявить в розыск.

Вам бывает страшно?

Мне часто угрожают. По SMS, по электронной почте, по голосовой почте.

Вы сказали, что встречались с Медведевым в 2005 году и раньше. Какое он на вас производил впечатление?

У него были хорошие часы. Что-то очень дорогое швейцарское, золотое. Я еще тогда подумал: интересные часы для государственного служащего.

Ну а кроме часов?

Хороший костюм. Хорошие манеры.

Когда он стал президентом, вы возлагали на него надежды?

Мне нравились слова. То, что он говорил о правовом нигилизме. Если бы я жил на Марсе и слышал эти слова, исходящие из России, я бы подумал: «Симпатичная страна».

Вы когда-нибудь вернетесь в Россию?

Знаете, Нельсон Мандела считался преступником и террористом, а потом стал президентом страны. Я считаюсь самым нежелательным иностранцем в России, но, думаю, когда-нибудь я стану одним из самых желанных.